

30 октября 1986 г. № 250 (13 048)

Поздравляем!

СЕГОДНЯ состоится третий юбилейный спектакль народной артистки СССР Маргариты Войтес — «Лючия ди Ламмермур». А были уже — «Травиата» и «Альцина». Эти три героини певицы стоят рядом в цветной юбилейной афише.

Как начинался этот счастливый творческий путь?

— Моя биография — сплошная география, — смеется Маргарита Войтес. — Судите сами. Биография начинается с родителей, так вот — мой отец родом из Вильянди, мама — из Таллина, познакомились они в Севастополе, родилась я в Москве, детство провела в Днепрпетровске, войну встретили в Ленинграде, в первом классе училась сначала в Новосибирске, потом в Вильянди, у бабушки, закончила его в Тарту, а вот со второго класса началась моя «оседлая» жизнь. Училась в Тартуской 2-й средней школе, потом поступила в университет на библиографию, а потом уже в Таллинскую консерваторию.

— А почему не сразу в консерваторию? Такой вопрос напрашивается сам собой...

— Тут несколько причин, вернее, несколько объяснений. Я с детства была уверена, что обязательно буду петь на сцене. Но не очень торопилась учиться вокалу специально. Пела в университете с эстрадным ансамблем. Мы, студенты, даже целый спектакль поставили — «Фиалку Монмартра», и он шел на сцене театра «Ванемуйне». Представляете, дирижер, оркестр, гримеры — из настоящего театра, а артисты — студенты университета! Так что это время и с профессиональной точки зрения не было потеряно зря. Это и профессор Ардер подтвердил — я ему дважды показывалась, с разрывом в два года, и он во второй раз нашел в вокале движение вперед. Вот тут, можно ска-

зать, я получила очень компетентное подтверждение правильности своего ощущения: буду петь.

— А к профессору Ардеру вы пришли с оперными ариями?

— Во второй раз да. А в первый я спела песню Геннадия Подальского, и сама себе аккомпанировала. Мне очень нравились и нравятся песни Подальского. Он к нам часто в школу приезжал выступать, к нам вообще очень много интересных, знаменитых, талантливых, умных людей приходило, в прекрасной школе я училась, там всегда царил атмосфера творчества. А перед Подальским у меня долг невыполненный — он последнюю свою песню «Роза и соловей» мне посвятил. А я ее еще не спела. Но спою.

— Соловей и роза? Классический мотив романа?

— Я очень люблю романсы. А тема соловья в моей жизни просто особая. Я собираю «соловьев разных народов», ищу их в любой стране, в любой республике, где мне доводится бывать. У меня свыше сорока произведений, начиная со знаменитого алябьевского «Соловья». Есть вокал из Сен-Санса «Соловей и роза», есть песня Анатолия Кос-Анатольского «Соловей и роза» (а этот композитор писал специально для колоратурного сопрано). Вообще этот мотив широко распространен в поэзии, эти образы символизируют любовь, верность, самопожертвование. И музыка этих чувств так выразительна, что я сделала специальную программу «Соловей и роза». И последняя песня Подальского войдет в нее же.

— Раз уж речь зашла о ваших концертных программах, скажите — оперная певица не мешает певце концертной?

— Наоборот, они помогают друг другу. Где бы я могла петь народные песни, если бы не концертировала? А я

РОЛИ И СУДЬБЫ

их стараюсь включать в программы как можно чаще — и эстонские, и русские, и украинские. Много эстонской музыки пою, особенно там, где ее мало знают. За двадцать два года я по-всякому пробовала программы составлять, хотя мне в принципе удобна любая модель концерта. Но все же стараюсь, чтобы были переключения, чередования, чтобы были произведения и медленные, и живые. Для певицы такие переключения довольно сложны, но они необходимы, чтобы разные краски были, не одноцветно,

не однотонно. А в последнее время увлекаюсь органной музыкой, пою в Нигулисте, хочется попробовать выступить в других органных залах.

А опера... Опера — это судьба.

— Три спектакля, три образа, три женских характера — «Травиата», «Лючия ди Ламмермур», «Альцина». Как вы относитесь к ним?

— Как я к ним отношусь, ясно — иначе я не выбрала бы именно их для юбилейных спектаклей. Виолетту я называю своим первым любимым ребенком. Лючия

— думаю, моя «коронная» роль. Альцина — роль пока последняя.

Виолетта сжигала жизнь свою ни за что, и вдруг — полюбила. Пусть человека, который ее недостойн, маленького, ревнивого, любящего только себя. Но она — полюбила, и жизнь свою отдала. Лючию брат и любит, и губит. Но она — любит. Альцина... И она — любит, и ее — губят. Могущественная волшебница, она легко могла бы превратить Руджеро в камень, например, или во льва. Но любовь не победишь, и она тоже гибнет,

пожертвовав собой. Женская любовь — она на все способна.

— Вы так и относитесь к миру?

— Я отношусь к миру как актриса и женщина — мать, жена, бабушка четырех внуков (которым все вяжу сама, между прочим). Все мы желаем счастья своим близким, желаем им того, что больше всего согревает на свете, — солнца, улыбок, любви. Мои героини тоже желают счастья своим любимым и не предают их ни при каких обстоятельствах.

— Вы называли Лючию своей коронной ролью...

— Так и есть. Я пела «Травиату», «Риголетто», «Виндзорских проказниц», и везде пранд-ария — в первом акте. Остальное не так сложно по вокалу, хотя, конечно, играешь спектакль, полностью выкладываясь до конца. Я по-другому просто не умею. Каждый раз живу на сцене вместе с героиней, каждый раз представляю, как она чувствует, что переживает.

Лючия же начинается со сложной каватины, потом следует сложный дуэт с тенором, потом — сложный дуэт с баритоном, потом опять же сложный секстет, и когда уже не остается никаких сил, нужно выдать все — и технический блеск, и колоратуру, и чувствовать при этом так, как чувствует человек безумный, но петь — как умный. Конечно, коронная роль. Я очень счастлива, что пою ее, чем больше сложностей, тем для меня интереснее и работа, и сам спектакль.

В моем доме, в театре «Эстония», мне посчастливилось пережить, получить, исполнить много оригинальных партий в операх, которые впервые в стране были поставлены именно на нашей сцене. Спасибо судьбе.

— Но у вас, наверное, есть и «неспетые песни»?

— Есть. Царица Ночи и Лакме. Так, наверное, их и не спою. Что ж, зато думаю о них.

— Скажите, а вам нравятся ваше имя — Маргарита? Такое оперное...

— Какой приятный вопрос! Я свое имя в детстве оценить не могла. Оно такое длинное, целых четыре слога, и я всегда чувствовала себя в этом виноватой. А потом поняла, что это мама мне просто царский подарок сделала. Ну, во-первых, «Маргарита» — это по-гречески жемчужина. Во-вторых, — интернациональное имя. В-третьих, — действительно оперное, и я пела нескольких Маргарит. В-четвертых, древнее эстонское имя Крыгт и финское Хельме тоже ведут происхождение свое от слова жемчужина, перл, а, значит, можно попытаться создать специальную концертную программу и попробовать создать образ женщин северного края через века. В-пятых, маргаритка — очень милый цветок, а цветы я очень люблю и в моем репертуаре есть цикл «Маргаритки и розы». Список достоинств этого имени можно продолжить, так что, конечно, мама, как всегда, угадала правильно.

— И последний вопрос. Сегодня, в день праздника, как вы относитесь к будням?

— Прекрасно. Будни — это естественно. Это труд, работа, поиски себя. Праздники редко бывают. Сравню их с ролями. Трагические роли входят в душу и остаются навсегда. Роли комические, как конфетка, вкусная, приятная, съел — и спасибо. Но необходимые для души вещи не всегда сладки.

Должны быть в жизни и праздники, и будни, но для жизни самой, чтобы она состоялась, будни нужнее. Хотя, конечно, конфеты вкуснее...

Э. КЕКЕЛИДЗЕ.